

Оригинальная статья

УДК 314.74

JEL F22, O15, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_10_155_168

EDN HZHQTБ

Методологические подходы к анализу и оценке традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ

Ольга Дмитриевна Воробьева¹, Александр Алексеевич Субботин²

^{1,2}Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹(89166130069@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>)

²(aasubbotin@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0001-5016-0473>)

Аннотация

Статья посвящена анализу традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в странах с их наибольшей численностью и репатриационным потенциалом: постсоветского пространства и стран Юго-Восточной Азии. Предметом исследования выступают социально-демографические, этнокультурные и профессиональные характеристики различных форм мобильности российских граждан в указанных регионах, а также факторы, определяющие степень обратимости миграционных стратегий и сохранение устойчивых связей со страной происхождения. Цель исследования заключается в выявлении и сопоставлении форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в рассматриваемых регионах и оценке их потенциала обратимости на основе новых методологических подходов: углублённого анализа экспертных оценок репатриационного потенциала, с особым вниманием к новым мобильным категориям, связанным с развитием цифрового кочевничества и дистанционной занятости. В работе впервые предлагаются методологические подходы, позволяющие сопоставимо анализировать традиционные диаспоральные формы мобильности и новые гибкие мобильные стратегии российских граждан в рамках единой аналитической рамки. Основу исследования составляют социологический и сравнительно-аналитический подходы с использованием методов экспертных оценок, контент-анализа и обобщения эмпирических данных. Эмпирическую базу образуют результаты глубинных интервью экспертов-специалистов в области демографии и миграции в указанных регионах, а также материалы качественных интервью с российскими гражданами, использующими дистанционные формы занятости и временно проживающими за рубежом. Результаты исследования показывают, что постсоветское пространство формирует наиболее устойчивое ядро миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, основанное на исторически сложившихся социальных, культурных и языковых связях, а также включённого в новые процессы цифрового кочевничества. В регионах Юго-Восточной Азии интенсивно нарастают масштабы русскоговорящего сообщества, преобладают более гибкие и, как правило, обратимые формы мобильности, связанные с профессиональной активностью в цифровом секторе. Сделан вывод о многослойном характере современной миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, сочетающем устойчивые диаспоральные формы и новые мобильные стратегии, различающиеся по социально-демографическим характеристикам, временным горизонтам и степени сохранения связей со страной происхождения. Практическая значимость исследования связана с возможностью применения предложенного методологического подхода при анализе современных миграционных процессов и совершенствовании государственной миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная мобильность, русскоговорящие сообщества, репатриационный потенциал, международная миграция, постсоветское пространство, Юго-Восточная Азия, цифровые кочевники, диаспора, миграционная политика

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 24-28-01328 «Репатриационный потенциал России в зарубежных странах: оценка масштабов»).

Для цитирования: Воробьева О.Д., Субботин А.А. Методологические подходы к анализу и оценке традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 155–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_10_155_168 EDN HZHQTБ

RAR (Research Article Report)

JEL F22, O15, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_10_155_168

Methodological Approaches to the Analysis and Assessment of Traditional and Emerging Forms of Migratory Mobility among Russian-Speaking Communities

Olga D. Vorobieva¹, Alexander A. Subbotin²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹(89166130069@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>)

²(aasubbotin@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0001-5016-0473>)

Abstract

This article examines traditional and emerging forms of migratory and spatial mobility among Russian-speaking communities in regions where they are most numerous and where repatriation potential is considered significant, namely the post-Soviet space and the countries of South-East Asia. The subject of the study comprises the socio-demographic, ethno-cultural and professional characteristics of different forms of mobility among Russian citizens in these regions, as well as the factors shaping the reversibility of migration strategies and the maintenance

© Воробьева О.Д., Субботин А.А., 2026

of stable ties with the country of origin. The aim of the study is to identify and compare forms of migratory mobility among Russian-speaking communities in the selected regions and to assess their potential for reversibility on the basis of new methodological approaches, primarily through an in-depth analysis of expert assessments of repatriation potential, with particular attention to new mobile categories associated with the development of digital nomadism and remote employment. For the first time, the paper proposes methodological approaches that enable a comparable analysis of traditional diasporic forms of mobility and new flexible mobility strategies among Russian citizens within a single analytical framework. The research is grounded in sociological and comparative-analytical approaches and employs expert assessment methods, content analysis and the synthesis of empirical data. The empirical base consists of in-depth interviews with experts specialising in demography and migration in the regions under study, as well as qualitative interviews with Russian citizens engaged in remote employment and temporarily residing abroad. The findings demonstrate that the post-Soviet space constitutes the most stable core of migratory mobility among Russian-speaking communities, underpinned by historically established social, cultural and linguistic ties and increasingly intertwined with emerging processes of digital nomadism. In the regions of South-East Asia, the scale of Russian-speaking communities is expanding more intensively, while more flexible and generally reversible forms of mobility prevail, closely linked to professional activity in the digital sector. The study concludes that contemporary migratory mobility among Russian-speaking communities is multi-layered, combining stable diasporic forms with new mobility strategies that differ in socio-demographic characteristics, time horizons and the extent to which ties with the country of origin are preserved. The practical significance of the research lies in the potential application of the proposed methodological approach to the analysis of contemporary migration processes and the improvement of state migration policy.

Keywords: migratory mobility, Russian-speaking communities, repatriation potential, international migration, post-Soviet space, Southeast Asia, digital nomads, diaspora, migration policy

Acknowledgements: The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-28-01328, «Russia's Repatriation Potential in Foreign Countries: Assessing the Scale»).

For citation: Vorobieva O.D., Subbotin A.A. Methodological Approaches to the Analysis and Assessment of Traditional and Emerging Forms of Migratory Mobility among Russian-Speaking Communities. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):155–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_10_155_168 (In Russ.)

Введение

Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, посвящённого анализу миграционной мобильности русскоговорящих сообществ за пределами России, основные результаты которого были представлены в ранее опубликованной работе авторов [1]. В рамках данного этапа исследования используются материалы социологического опроса экспертов, проведённого кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова весной 2025 года. В центре анализа находятся страны постсоветского пространства и регионы Юго-Восточной Азии, которые, согласно результатам предшествующих исследований и экспертных оценок, характеризуются максимальным репатриационным потенциалом, а также разнообразием традиционных и новых форм миграционной мобильности.

Демографическая ситуация в современной России характеризуется устойчивой естественной убылью населения и структурными деформациями возрастной пирамиды, что актуализирует внимание к различным формам миграционной мобильности населения как одному из факторов воспроизводства и качества человеческого капитала. В этих условиях возрастает значение анализа мобильных стратегий русскоговорящих сообществ, проживающих за пределами России, их пространственной структуры, социально-демографических характеристик и потенциала обратимости миграционных траекторий [2; 3].

Особое место в данной проблематике занимают страны постсоветского пространства, где продолжают проживать многочисленные группы этнических русских и русскоговорящего населения, сформировавшиеся ещё в советский период и ранее [4; 5]. Эти сообщества отличаются устойчивыми культурными, языковыми и социальными связями с Россией и традиционно рассматриваются в научных исследованиях как важный компонент трансграничной мобильности и возвратных миграционных процессов. В то же время, начиная с 2020 года, на фоне пандемии, ускоренной цифровизации занятости и геополитических изменений, формируются новые формы мобильности российских граждан, которые всё чаще выбирают временное проживание за рубежом при сохранении экономических и социальных связей с Россией [6; 7]. Часть таких мобильных групп концентрируется в странах и регионах Юго-Восточной Азии, где сложились благоприятные условия для жизни, сочетания удалённой работы и длительного пребывания [8; 9; 10].

Существование традиционных форм пространственной мобильности, связанных с исторически сложившимися диаспорами, и новых, более гибких и обратимых мобильных стратегий обуславливает необходимость их совместного анализа в рамках единой исследовательской рамки.

В научном дискурсе при этом параллельно развиваются по крайней мере два основных направления, непосредственно релевантных задачам исследования. Первое связано с изучением

русскоговорящих сообществ за рубежом, их пространственного распределения, социально-демографической структуры и роли в возвратных миграционных процессах, а также с анализом институциональных механизмов государственной миграционной и репатриационной политики [6; 7]. Второе направление сосредоточено на феномене цифрового кочевничества и более широких формах цифровой мобильности, которые рассматриваются как новая разновидность трансграничной мобильности, основанной на дистанционной занятости и гибких жизненных стратегиях [8; 9; 10; 11; 12].

Несмотря на бурное развитие обоих направлений, между ними сохраняется методологический разрыв. Исследования традиционных русскоговорящих сообществ, как правило, ориентированы на относительно устойчивые формы расселения и возвратной миграции, тогда как работы, посвящённые цифровым кочевникам, преимущественно фокусируются на стилях жизни, мотивациях и рисках мобильности, не включая эти группы в более широкий контекст трансграничных и возвратных миграционных процессов. В результате недостаточно разработан аналитический подход, позволяющий сопоставимо рассматривать традиционные и новые формы миграционной мобильности русскоговорящих сообществ с учётом их различной степени укоренённости, обратимости и связи со страной происхождения.

Исследовательская проблема заключается в отсутствии методологического инструментария, который позволял бы в единой рамке анализировать как исторически сформировавшиеся русскоговорящие диаспоры, так и новые мобильные группы российских граждан, использующих дистанционные формы занятости, и оценивать потенциал обратимости их миграционных траекторий.

Объектом исследования является миграционная мобильность русскоговорящих сообществ в странах постсоветского пространства и регионах Юго-Восточной Азии. Предметом исследования выступают социально-демографические, этнокультурные и профессиональные характеристики различных форм мобильности российских граждан в указанных регионах, а также факторы, определяющие степень обратимости миграционных стратегий и сохранение устойчивых связей со страной происхождения.

Цель исследования состоит в выявлении и сопоставлении форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в странах постсоветского пространства и регионах Юго-Восточной Азии, и оценке их потенциала обратимости на основе новых методологических подходов, а также в анализе различий в степени обратимос-

ти их мобильных стратегий на основе экспертных оценок репатриационного потенциала, с особым вниманием к новым мобильным категориям, связанным с развитием цифрового кочевничества и дистанционной занятости. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: (1) выявить и охарактеризовать традиционные и новые формы миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в рассматриваемых регионах; (2) провести сравнительный анализ экспертных оценок социально-демографических характеристик и структуры групп, обладающих различным потенциалом обратимости миграционных стратегий и возвращения в Россию; (3) определить особенности новых форм мобильности, связанных с развитием цифрового кочевничества, и их место в структуре современного социально-демографического ресурса потенциального возвращения.

Исходная гипотеза исследования состоит в том, что применение метода экспертных оценок специалистов-исследователей по каждому конкретному региону, с учётом выработанных критериев анализа, позволяет наиболее адекватно выявить существенные различия в устойчивости и степени обратимости миграционных стратегий русскоговорящих сообществ в странах постсоветского пространства и регионах Юго-Восточной Азии.

Общей характеристикой мобильности русскоговорящих сообществ в постсоветских странах и регионах Юго-Восточной Азии является появление в последние годы многочисленного контингента цифровых кочевников. Данный контингент обладает всеми чертами проживающих за рубежом выходцев из РФ, которые могут рассматриваться в качестве потенциала для возвращения. Особенно повышают шансы возвращения участников этой относительно новой формы мобильности два обстоятельства: (1) непродолжительное проживание за рубежом, следовательно, слабая интеграция в принимающее сообщество; (2) сохраняющаяся связь с российским рынком труда. Объединение двух регионов, различных и географически, и ментально, объясняется тем, что в ходе исследования выявлена не очевидная на первый взгляд общность между ними по масштабам русскоговорящего сообщества и более высокие шансы на возвращение по нескольким ключевым социально-демографическим признакам [1].

Важно подчеркнуть, что эмпирическая часть настоящего исследования основана на экспертной оценке репатриационного потенциала различных групп населения, проживающих за пределами России. Использование данной категории обусловлено её разработанностью в отечествен-

ной демографической и миграционной литературе, а также возможностью операционализации в условиях ограниченности прямых статистических данных.

Вместе с тем в рамках данной статьи репатриационный потенциал рассматривается не как самостоятельный предмет анализа, а как инструмент эмпирического выявления степени обратимости миграционных мобильных стратегий русскоговорящих сообществ. Такой подход позволяет интерпретировать результаты экспертных оценок в более широкой аналитической рамке миграционной мобильности, не сводя их исключительно к нормативно-правовому пониманию репатриации.

В дальнейших разделах статьи последовательно рассматриваются теоретико-методологические основания исследования, используемые данные и методы, результаты экспертных оценок по выделенным регионам и группам, а также качественные иллюстрации мобильных стратегий цифровых кочевников и их возможная связь с будущими траекториями возвратной мобильности.

Теоретические и методологические положения

Теоретической основой исследования выступают современные подходы к анализу международной миграции, репатриации и транснациональной мобильности, в которых подчёркивается усложнение связи человека с территорией, гражданством и идентичностью. Эти идеи развиваются в работах Ж. Аттали [13], Г. Веллнера [14], М. Маклюэна в интерпретации М. Заура [15]. В рамках этих подходов миграция всё чаще трактуется не как линейный и необратимый процесс, а как серия последовательных или циклических перемещений.

В настоящем исследовании репатриационный потенциал понимается как совокупность структурных и поведенческих характеристик различных групп населения, проживающих за пределами России и сохраняющих готовность к возвращению. Такой подход опирается на более ранние исследования репатриации и миграционного поведения русскоговорящих сообществ, представленные в работах А.А. Субботина [2], О.Д. Воробьевой, А.А. Субботина, С.Н. Мищук [3], Н.И. Кожевниковой, Л.Л. Рыбаковского [16], а также исследованиях русскоговорящих диаспор постсоветского пространства [4; 5; 6; 7].

Предлагаемое операциональное определение репатриационного потенциала базируется на ранее разработанной авторами типологии, включающей дифференциацию по длительности проживания за рубежом, возрасту, семейному положению, этнокультурной идентичности и социально-экономическим характеристикам. Эта ти-

пология служит основой для применения единой экспертной оценочной шкалы и сопоставимости групп. Следует подчеркнуть, что возвратная миграция (могут участвовать только ранее проживавшие в стране и выехавшие из неё граждане) и репатриация как две формы резервов имеют несколько различную природу, поэтому методы и политика в отношении этих форм должны также несколько различаться.

Репатриационный потенциал формируется в условиях неоднородной миграционной мобильности. Помимо традиционно рассматриваемых русскоговорящих диаспор постсоветского пространства, описанных в многочисленных работах (Н.И. Кожевникова, Л.Л. Рыбаковский; Ж.А. Зайончковская, Г.С. Витковская; О.Д. Воробьева, Л.Л. Рыбаковский) [16; 17; 18], в последние годы появились новые группы мобильных российских граждан. Их траектории носят обратимый, временный и часто «сетевой» характер, что подтверждается как международными исследованиями транснациональной мобильности [8; 13; 14], так и российскими работами о цифровых мигрантах (М.И. Пантыкина, И. Кужелева-Саган, Э. Галажинский; К.А. Глухов, А.И. Лойко; А.П. Глухов, Г.А. Окушова; С.В. Рязанцев, Н.С. Рязанцев) [9; 10; 19; 20; 21].

Важной характеристикой современного этапа транснациональной мобильности является стремительный рост численности цифровых кочевников. Эти новые группы не могут быть напрямую отнесены к репатриантам, но представляют собой внешний слой потенциально обратимой миграции.

Феномен цифрового кочевничества трактуется как проявление нового типа мобильности, основанного на дистанционной занятости, цифровых технологиях и сочетании труда с изменением места проживания. Он подробно описан как в международной литературе (Matos, Ardevol; Wellner; Sauer) [8; 14; 15], так и в российских исследованиях (Пантыкина; Тарасевич, Лойко; Рязанцев и Рязанцев; Насирдинова [9; 19; 21; 22]). В рамках настоящей работы этот феномен рассматривается не как самостоятельный миграционный поток, а как часть более широкого спектра временных мобильных стратегий, что позволяет избежать его переоценки и сохранить аналитическую точность.

Особое внимание уделяется неоднородности новых мобильных групп. Как подчёркивают М. Пантыкина [9], Л. Чжоу [10], С.В. Рязанцев и Н.С. Рязанцев [21], цифровые кочевники значительно различаются по квалификации, типу занятости, устойчивости доходов и степени укоренённости. Значительная их часть экономически привязана к России через дистанционную работу, что ограничивает их миграционную автономию.

В современном публичном и экспертном дискурсе часть граждан Российской Федерации, временно проживающих за рубежом и сохраняющих связь со страной происхождения, нередко обозначается термином «релоканты». В рамках настоящего исследования цифровые кочевники рассматриваются как одна из групп внутри более широкого спектра временной и обратимой мобильности российских граждан.

При этом устойчивость репатриационных установок и вероятность возвращения различаются в зависимости от интеграции в зарубежную среду, длительности проживания, экономической мотивации и семейных обстоятельств, что подтверждается исследованиями репатриации О.Д. Воробьевой, А.А. Субботина, С.Н. Мищук, Н.И. Кожевниковой, Л.Л. Рыбаковского [1; 2; 3; 16] и работами по транснациональной мобильности [8; 9; 21]. Учитывая эти факторы, репатриационный потенциал трактуется как многослойная конструкция, включающая устойчивые традиционные диаспоры и гибкие внешние слои мобильных групп.

Таким образом, теоретические положения исследования формируют основу методологического подхода, позволяющего сопоставлять репатриационный потенциал различных категорий населения и учитывать специфику как исторически сложившихся диаспор, так и новых форм мобильности российских граждан.

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирическую базу исследования составили три группы данных: результаты экспертного опроса, материалы качественных интервью и официальная статистика. Такой комбинированный подход позволяет оценивать репатриационный потенциал в условиях фрагментарности статистических источников и высокой неоднородности изучаемых групп.

В исследовании использованы мнения и оценки экспертов, участвовавших в социологическом опросе, проведённом кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова в марте–апреле 2025 года. В анализ включены ответы 22 специалистов, обладающих компетенциями в области демографии, миграции, социологии и государственного управления и работающих по тематике постсоветских стран и/или государств Юго-Восточной Азии. Отбор экспертов носил целевой (невероятностный) характер: приоритет отдавался специалистам, хорошо знакомым с социально-экономическими и миграционными особенностями соответствующих регионов. Часть экспертов имела опыт рабо-

ты сразу по нескольким регионам, что позволило учитывать межрегиональные сопоставления.

Опрос проводился в онлайн-формате на платформе «Яндекс Формы», что обеспечило широкий географический охват и независимость ответов. Респонденты получали персональные приглашения и заполняли анкеты самостоятельно; предусматривалась автоматическая проверка полноты. По желанию экспертов ответы предоставлялись в обезличенном виде. Анкета включала как шкальные, так и открытые вопросы. Оценки фиксировались по пятибалльной шкале (от 1 – «очень низкий потенциал» до 5 – «очень высокий»). Эти баллы использовались не для расчёта итоговой численности потенциальных репатриантов, а как инструмент качественного ранжирования и сопоставления групп между собой – что является стандартной практикой экспертных опросов в условиях отсутствия прямых статистических измерений. Открытые ответы применялись для аргументации выставленных оценок и уточнения факторов, влияющих на вероятность возвращения.

Следует подчеркнуть, что расчёт медианы и стандартного отклонения в рамках настоящего исследования используется для наглядной характеристики распределения экспертных оценок по балльной шкале и сопоставления позиций экспертов между выделенными группами. Данные показатели не применяются для статистического вывода и не предполагают обобщения результатов на генеральную совокупность, поскольку исследование основано на целевом экспертном опросе и носит качественно-сравнительный характер.

Для работы с данными использовался методологический подход, который может быть обозначен как «регион через эксперта»: в расчёт по каждому региону включались только ответы тех специалистов, которые прямо указали данный регион своей областью профессиональной компетентности; агрегирование мнений осуществлялось строго в разрезе заявленной экспертизы.

Ещё одним эмпирическим источником выступили качественные интервью с российскими гражданами, работающими дистанционно и проживающими за рубежом. Интервью проводились по полуструктурированному гайду и использовались для выявления особенностей новых форм мобильности, факторов их обратимости и сопоставления этих особенностей с результатами экспертных оценок. Тем самым качественные данные дополняли экспертный опрос, позволяя лучше интерпретировать роль новых мобильных групп в репатриационном потенциале.

Настоящее исследование включало методы описательной статистики, сравнительного анали-

за и контент-анализа. Кроме того, для анализа и оценки репатриационного потенциала использован длинный временной ряд официальных статистических данных переписей населения, что обеспечило сопоставимость и верификацию экспертных оценок во временной динамике.

Результаты исследования

Результаты исследования представлены в соответствии с выделенными кластерами стран и групп мобильности, различающихся по характеру и степени обратимости миграционных стратегий. Такой подход позволяет сопоставить традиционные формы пространственной мобильности русскоговорящих сообществ и новые мобильные стратегии российских граждан, получившие распространение после 2020 года, и выявить разли-

чия в их социально-демографической структуре и потенциале возвратных перемещений.

1. Страны постсоветского пространства: устойчивое ядро миграционной мобильности

Страны постсоветского пространства продолжают оставаться крупнейшим и наиболее устойчивым источником репатриационного потенциала России. Согласно последним доступным данным национальных переписей (Таблица 1), в этих странах проживает около 14,8 млн этнических русских, а также значительное русскоговорящее население, сохранившее культурные и языковые связи с Россией. Их присутствие сформировалось преимущественно в советский период и имеет многопоколенческий характер, что обеспечивает устойчивость репатриационных установок.

Таблица 1

Численность этнических русских по странам проживания постсоветского пространства по последним доступным данным, тыс. человек

Table 1

Number of ethnic Russians in the Post-Soviet Space by Country of Residence Based on the Latest Available Data, thousand people

Страна проживания	Численность этнических русских, тыс. чел.	Год, на который доступны данные
Украина	8 334,0	2001*
Казахстан	3 512,9	2020
Узбекистан	720,3	2021
Беларусь	707,0	2019
Латвия	437,6	2024
Эстония	296,3	2024
Кыргызстан	275,0	2024
Туркменистан	114,4	2022
Литва	144,3	2024
Молдова	75,3	2024
Азербайджан	71,0	2019
Таджикистан	29,0	2020
Грузия	26,6	2014
Армения	14,1	2022
Итого	14 757,8	-

*последние имеющиеся данные переписи населения.

Источник: [2].

Историческая миграционная динамика подтверждает, что именно постсоветский регион обеспечивал основной вклад в реализацию репатриационного потенциала. В 1989–2000 годах в

Россию прибыло более 7 млн мигрантов из республик бывшего СССР, а миграционный прирост в 1994 г. достиг максимальных значений – более 900 тыс. человек (Таблица 2).

Таблица 2

Миграционные связи России со странами постсоветского пространства с 1991 г. по 2001 г., тыс. человек

Table 2

Migration Links Between Russia and the Post-Soviet States, 1991–2001, thousand persons

Годы	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
1991	692	587	105
1992	926	570	356

Окончание Таблицы 2

Годы	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
1993	923	369	554
1994	1146	232	914
1995	842	229	613
1996	631	191	440
1997	583	149	434
1998	495	133	362
1999	367	130	237
2000	350	83	267
2001	186	63	123
Итого	7 141	2 736	4 405

Источник: расчёты авторов по данным Демографического ежегодника России.¹

Начиная с 2006 г., в рамках Государственной программы переселения соотечественников в Россию² переехало свыше 1,2 млн человек³. Экспертные оценки подтверждают устойчивость репатриационного ресурса.

Интегральная оценка вероятности возвращения для стран СНГ составляет 3,2 балла по пятибалльной шкале, что является самым высоким значением среди анализируемых регионов. Наиболее перспективные группы:

- новосёлы (до 3 лет проживания за рубежом) – 3,3 балла,
- трудоспособное население 18–55 лет – 3,1 балла,
- этнические русские – 3,7 балла,

– семейные мигранты без детей и одинокие – 2,9–3,3 балла.

При этом наименее выраженный потенциал характерен для долгосрочно проживающих за рубежом (более 15 лет) – 2,0–2,3 балла, а также для групп, слабее связанных с русской культурной средой.

Таблица 3 демонстрирует структурные различия в оценках по ключевым параметрам – длительности проживания, возрастным группам, семейному положению, этнокультурной идентичности и социально-экономическому статусу. Эти различия формируют устойчивый профиль репатриационного потенциала стран СНГ, отличающийся как масштабом, так и высокой стабильностью установок к возможному возвращению.

Таблица 3

Экспертные оценки репатриационного потенциала в постсоветских странах и Юго-Восточной Азии по продолжительности проживания, возрастным группам, семейному положению, этнокультурной идентичности

Table 3

Expert Assessments of Repatriation Potential in the Post-Soviet Space and Southeast Asian Countries by Duration of Residence, Age Groups, Marital Status, and Ethno-Cultural Identity

Регион	По продолжительности проживания			
	Новосёлы (до 3 лет)	Краткосрочные (4–7 лет)	Среднесрочные (8–15 лет)	Долгосрочные (>15 лет)
Страны СНГ (N=18)	3,3 (Me=3,5, SD=1,6)	2,8 (Me=3,0, SD=1,0)	2,0 (Me=2,0, SD=1,0)	2,3 (Me=2,0, SD=1,5)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,3 (Me=4,0, SD=1,4)	3,4 (Me=4,0, SD=1,5)	2,1 (Me=1,0, SD=1,5)	2,0 (Me=1,0, SD=1,6)

¹ Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999. С. 331, 333; Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 336, 337.

² С 1 января 2024 года вступил в силу Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 872 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 г. № 637», предусматривающий внесение изменений в Государственную программу переселения соотечественников и введение в её структуру института репатриации.

³ Переселенцев подвел язык // Коммерсантъ: [сайт]. 13.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7566175?ysclid=mhfe8sorju923038890> (дата обращения: 31.10.2025).

Регион	По возрастным группам			
	18–35 лет	36–55 лет	56–72 лет	72+ лет
Страны СНГ (N=18)	3,1 (Me=3,0, SD=1,5)	3,1 (Me=3,0, SD=0,9)	2,0 (Me=2,0, SD=1,1)	1,7 (Me=1,0, SD=1,2)
Юго-Восточная Азия (N=9)	2,6 (Me=1,0, SD=1,9)	3,3 (Me=3,0, SD=1,1)	2,2 (Me=2,0, SD=1,0)	2,1 (Me=2,0, SD=1,4)
Регион	По семейному положению			
	Одинокие	Семейные (с детьми)	Семейные (без детей)	Одинокие (разведённые/ вдовцы)
Страны СНГ (N=18)	3,3 (Me=3,0, SD=1,3)	2,9 (Me=3,0, SD=1,1)	3,1 (Me=3,0, SD=1,1)	2,8 (Me=3,0, SD=1,3)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,1 (Me=3,0, SD=1,4)	2,7 (Me=3,0, SD=0,9)	2,4 (Me=2,0, SD=1,4)	2,7 (Me=3,0, SD=1,3)
Регион	По этнокультурной идентичности			
	Этнические русские	Русскоговорящие (не этнические русские)	Не связаны с русской культурой	
Страны СНГ (N=18)	3,7 (Me=4,0, SD=1,1)	2,8 (Me=3,0, SD=1,2)	1,6 (Me=1,5, SD=0,7)	
Юго-Восточная Азия (N=9)	4,0 (Me=4,0, SD=1,2)	2,9 (Me=2,0, SD=1,2)	2,7 (Me=3,0, SD=1,4)	

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N).

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март – апрель 2025 г.; расчёты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности [1].

В совокупности данные позволяют рассматривать постсоветское пространство как демографическое «ядро» современного репатриационного потенциала России.

2. Юго-Восточная Азия: мобильные и временные группы с высокой обратимостью

Русскоговорящие сообщества стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) формируются значительно позже и состоят преимущественно из молодых мобильных специалистов, совмещающих дистанционную занятость с проживанием за рубежом. Эти группы отличаются высокой ротационностью и краткосрочностью пребывания (1–5 лет), что делает их миграционные траектории обратимыми.

По ключевым параметрам структуры репатриационных установок в странах ЮВА выделяются:

- новосёлы и краткосрочные мигранты (до 7 лет) – самые высокие оценки (3,3–3,4 балла),
- возрастная группа 36–55 лет – устойчивые намерения к репатриации (3,3 балла),
- долгосрочные мигранты (более 15 лет) – более низкий потенциал (около 2,0 баллов).

Мотивационная структура мобильности в ЮВА отличается комплексом экономических и качественных факторов: более низкой стоимос-

тью жизни, благоприятным климатом, развитой инфраструктурой для удалённой работы, гибкими визовыми режимами, а также наличием русскоязычных сообществ.

Вместе эти условия формируют высокий уровень обратимости миграционных установок при сравнительно низком уровне долгосрочного укоренения.

Экспертные оценки также показывают, что репатриационный потенциал Юго-Восточной Азии в краткосрочной перспективе (3 года) выше, чем в странах СНГ (2,4 против 1,8 балла), и в среднесрочной перспективе (5 лет) это преимущество сохраняется и усиливается: 3,2 против 2,7 балла. Это связано с тем, что для данной категории характерна временность нахождения за рубежом, отсутствие намерений долгосрочной интеграции и сохранение экономических и социальных контактов с Россией.

3. Новые мобильные группы: цифровые кочевники и место в структуре миграционной мобильности

Третьим элементом анализа является новая волна миграционной и профессиональной мобильности российских граждан, формирующаяся на фоне цифровизации труда и распространения дистанционных форм занятости. В рамках данно-

го исследования особое внимание уделяется цифровым кочевникам — мобильным профессионалам, которые сознательно совмещают удалённую работу с временной сменой места проживания, в том числе за пределами страны постоянного проживания.

По данным платформы Nomads.com (на ноябрь 2025), в мире насчитывается более 115 млн цифровых кочевников. Россия занимает 4-е место в глобальном рейтинге:

- США – 49,7 млн чел. (43%);
- Великобритания – 8,0 млн чел. (7%);
- Канада – 5,3 млн чел. (5%);
- Россия – 5,1 млн чел. (4%);
- Германия – 4,7 млн чел. (4%).

Подчеркнём, что оценки, приводимые в данном контексте, отражают распространённость практик цифрового кочевничества и не являются прямым показателем численности международных мигрантов. Речь идёт о совокупности лиц, использующих дистанционные формы занятости в сочетании с временной сменой места проживания в течение определённого периода.

Согласно данным того же источника, на апрель 2023 года численность российских граждан, практиковавших цифровое кочевничество, оценивалась примерно в 3,2 млн человек [21]. Рост данного показателя в последующие годы свидетельствует прежде всего о расширении дистанционных форм занятости и увеличении разнообразия мобильных жизненных стратегий. Социально-демографический профиль цифровых кочевников в целом характеризуется преобладанием лиц в возрасте 30–35 лет с высшим образованием, занятых в сферах информационных технологий, маркетинга, коммуникаций и креативных индустрий [9; 21; 23]. Для них характерны высокая профессиональная мобильность, индивидуализм, ориентация на автономию и нематериальные ценности, прежде всего – независимость от территориальных и институциональных ограничений.

Для проверки выдвинутых положений о природе цифрового кочевничества были проведены интервью с российскими гражданами, работающими в дистанционном формате и ведущими мобильный образ жизни. Из множества собранных историй для анализа отобрано несколько типичных кейсов, наиболее наглядно отражающих разные модели мобильности: двое респондентов живут преимущественно в странах постсоветского пространства, двое – в странах Юго-Восточной Азии, один – в странах Африки и Латинской Америки. Эти истории позволяют проследить, как описанные ранее стратегии – добровольная мобильность, сохранение профессиональной ста-

бильности, стремление к автономии и личному развитию – реализуются на практике.

Александр, 35 лет, разработчик веб-приложений из Москвы, с 2021 года чередует проживание в Тбилиси, Ереване и Астане. Он подчёркивает, что не рассматривал отъезд как эмиграцию, а скорее как расширение личного и профессионального пространства:

«Я не менял работу – просто стал работать из другой страны. У компании удалённый формат, и я могу подключаться из любого места. Это не переезд, а возможность пожить в других местах, увидеть, как люди решают те же задачи по-другому. Мне не нужно оседать, важно, что работа стабильна, а жизнь интересна.»

В его опыте мобильность выступает не как утрата принадлежности, а как способ профессионального и культурного роста при неизменной занятости.

Похожую позицию занимает Марина, 29 лет, графический дизайнер из Санкт-Петербурга, работающая в российской студии и живущая в различных городах Казахстана и Грузии. Для неё перемещение – способ внутреннего обновления и повышения качества жизни:

«Я работаю в той же студии, что и раньше, только сейчас живу в Грузии. Коллеги – в Москве и Минске, всё общение онлайн. Здесь спокойнее, уютнее, и при тех же доходах можно позволить себе больше. Уезжаешь не потому, что “надо”, а потому что “можно”. Это даёт энергию и ощущение свободы.»

В странах постсоветского пространства кочевничество воспринимается как мягкая, «безразрывная» мобильность – возможность сохранить профессиональные связи и одновременно сменить контекст.

Если для респондентов, выбравших соседние страны, ключевой мотив связан с психологическим комфортом и возможностью «сменить воздух», то для тех, кто живёт в Юго-Восточной Азии, мобильность становится способом почувствовать жизнь в постоянном движении и наслаждаться новым качеством среды.

Адель, 31 год, аналитик в международном банке, уже более трёх лет совмещает корпоративную занятость с жизнью в разных странах. Он подчёркивает, что цифровое кочевничество не стало для него способом сменить профессию или «уйти от чего-то» – напротив, это форма личного роста и способ расширить жизненный опыт:

«Я и раньше мог выбрать, где жить: можно было устроиться за границей или перейти на удалёнку. Просто не было такой потребности – мне нравилось жить в Москве. И сейчас нравится туда приезжать. Но хотелось, чтобы вместе с

профессиональным ростом рос и комфорт жизни. Пока этого не чувствовал – решил попробовать жить за границей.»

Удалённая работа дала ему возможность соединить карьеру и путешествия – одно из главных увлечений. За два года, проведённых в Юго-Восточной Азии, он жил в Таиланде, на Филиппинах и во Вьетнаме:

«Это как будто пять лет лета подряд – невероятное ощущение, потому что лето, как говорится, это маленькая жизнь. Вначале не хватало смены сезонов – казалось, время бежит быстрее. Но через год-полтора это чувство ушло. Здесь всё время ощущаешь себя в путешествии: новые страны, люди, впечатления. Ты тратишь меньше, но при этом живёшь лучше. Можно поехать на выходные на остров, а не просто пойти в бар. Поплавать с акулами за 700 рублей – где в России такое возможно?»

Адель отмечает, что жизнь за границей повысила качество жизни и уровень комфорта, но вместе с тем изменила характер общения:

«Глубокого, близкого общения стало меньше. За эти три с половиной года встретилось не так много людей, с кем можно поговорить по-настоящему. Много знакомств, но они более поверхностные. В миграции общение другое – живое, но не такое глубокое, как дома. И, конечно, не хватает встреч с родными и друзьями вживую.»

История Аделя показывает, что цифровое кочевничество способно сочетать стабильную занятость, эмоциональное насыщение и высокий уровень комфорта, но при этом сопряжено с определённым разрывом социальных связей и чувством дистанции с близкими.

Светлана, 27 лет, преподаватель онлайн-курсов по маркетингу, впервые попробовала дистанционное обучение во время пандемии. После этого несколько месяцев жила во Вьетнаме, а затем в Индонезии, сохранив прежний формат работы:

«У меня студенты из России, Европы и Азии. Я чувствую, что стала частью глобального образовательного пространства. Постоянная смена среды меня не утомляет, наоборот – заряжает. Главное – стабильный интернет и самодисциплина.»

Её опыт отражает стремление найти баланс между профессиональной деятельностью и личной жизнью, объединяя труд, путешествия и развитие в едином ритме.

Никита, 30 лет, менеджер по IT-проектам, живёт по полгода в разных странах – от Грузии и Кении до Бразилии и Аргентины. Он сохраняет работу в российской IT-компании и воспринимает мобильность как способ развивать человеческие связи и любопытство к миру:

«Иногда кажется, что уже фантазии не хватает, куда поехать дальше. Но каждый раз, когда оказываюсь в новом месте, будто перезапускаюсь. За последние два года у меня появились друзья почти в каждой стране, где я был. Это заряжает и даёт чувство уверенности – ты дома везде.»

Сопоставление интервью показывает, что для большинства российских цифровых кочевников мобильность – это не экономическая стратегия, а способ жить интенсивнее, сочетая стабильную занятость, разнообразие впечатлений. Разница в стоимости жизни в отдельных странах воспринимается ими не как главная причина переездов, а как дополнительное преимущество, создающее ощущение комфорта и расширяющее возможности для отдыха и саморазвития.

Особенно ярко описанные тенденции проявляются среди респондентов молодого возраста – до 35 лет. Для них цифровое кочевничество становится естественным продолжением стремления к путешествиям, новым впечатлениям и расширению жизненного опыта. Эта группа на данном этапе жизненного цикла, как правило, не стремится к оседлости, однако сохраняет устойчивые эмоциональные и культурные связи с Россией и не исключает возможности возвращения в более долгосрочной перспективе.

Получая временные преимущества мобильного образа жизни – новые эмоции, знакомства и культурный опыт, – респонденты одновременно осознают, что подобная модель мобильности носит ограниченный по времени характер. В интервью неоднократно подчёркивалось, что с созданием семьи, появлением детей и ростом потребности в устойчивости возрастает запрос на более стабильные формы проживания, которые чаще связываются с Россией.

Качественные интервью показывают, что цифровые кочевники – группа неоднородная: различаются уровень доходов, тип занятости (наём в российских компаниях, фриланс, предпринимательство), мотивы и длительность пребывания за рубежом. При этом большинство сохраняют тесную экономическую и профессиональную привязку к российским работодателям, что делает их мобильность частично и потенциально обратимой.

Тем не менее цифровые кочевники не являются репатриантами в юридическом смысле и формируют лишь внешний слой репатриационного потенциала – гибкий, но не менее важный.

4. Выводы

Полученные результаты демонстрируют различия в характере и устойчивости форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, а также в степени обратимости их миграционных стратегий:

– страны постсоветского пространства формируют наиболее устойчивое ядро мобильности, основанное на высокой этнокультурной связности, исторически сложившихся социальных связях и длительной миграционной истории;

– регионы Юго-Восточной Азии характеризуются преобладанием молодых и мобильных групп, для которых типичны более гибкие и, в ряде случаев, обратимые миграционные стратегии, связанные с дистанционной занятостью и временной сменой места проживания;

– цифровые кочевники представляют собой «внешний слой» современной территориальной мобильности, не тождественный репатриации в нормативно-правовом смысле, но обладающий потенциалом обратимости миграционных траекторий в среднесрочной перспективе.

Таким образом, структура миграционной мобильности русскоговорящих сообществ носит многослойный характер и формируется сочетанием традиционных диаспор и новых мобильных групп, различающихся по социально-демографическим характеристикам, мотивациям, горизонтам мобильности и степени сохранения связей с Россией. Анализ этих различий позволяет более точно оценивать возможные сценарии возвратных перемещений и трансформации миграционных стратегий.

Заключение

Обобщая результаты проведённого экспертного опроса по странам постсоветского пространства и Юго-Восточной Азии с использованием методического приёма «регион через эксперта», можно констатировать, что выдвинутая гипотеза в целом подтвердилась. Анализ показал, что формы миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в рассматриваемых регионах различаются по степени устойчивости, социально-демографической структуре и потенциалу обратимости миграционных стратегий.

Наиболее устойчивые и структурно оформленные формы мобильности характерны для стран постсоветского пространства, где они опираются на исторически сложившиеся русскоговорящие сообщества, этнокультурную близость,

исторические связи и сохранение устойчивых социальных контактов со страной происхождения, что формирует стабильные установки на возвратные перемещения, а не исключительно на безвозвратную миграцию.

В регионах Юго-Восточной Азии, напротив, преобладают более гибкие и мобильные стратегии, связанные с экономической и профессиональной активностью молодых россиян, использующих дистанционные формы занятости. Для этих групп характерны временность пребывания, высокая пространственная подвижность и отсутствие ориентации на долгосрочную институциональную интеграцию, что обуславливает повышенную обратимость их миграционных траекторий.

Особое место в структуре современной миграционной мобильности занимают цифровые кочевники, представляющие собой новый тип мобильных профессионалов, для которых перемещения не означают миграцию в традиционном демографическом смысле. Это поколение специалистов, совмещающее удалённую занятость с постоянной сменой стран, но сохраняющее культурные и эмоциональные связи с Россией. Их мобильность носит преимущественно оборотный характер и, как правило, сопровождается сохранением профессиональных, экономических, культурных и эмоциональных связей с Россией. В этом контексте цифровое кочевничество рассматривается как особая форма миграционной мобильности, расширяющая спектр возможных сценариев возвратных перемещений в среднесрочной перспективе.

Впервые в рамках единого исследования предложены методологические подходы к сопоставимому анализу традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, основанные на использовании экспертных оценок и социально-демографической типологии. Полученные результаты позволяют утверждать, что современная миграционная мобильность русскоговорящих сообществ носит многослойный характер, формируясь сочетанием устойчивых диаспоральных форм и новых гибких мобильных стратегий, различающихся по мотивациям, временным горизонтам и степени сохранения связей со страной происхождения.

Список источников

1. Воробьева О.Д., Субботин А.А. Репатриационный потенциал России: анализ оценки экспертов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Том 5. № 4. С. 8–24. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1> EDN ВУХNPM
2. Субботин А.А. Подходы к оценке миграционного потенциала России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Том 5. № 1. С. 176–192. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11> EDN EOVSPF
3. Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(5):219–231. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12> EDN DBOJHR

4. Зайончковская Ж.А. Развитие внешних миграционных связей России // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 29–44. EDN TZJHDB
5. Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. London: Routledge; 2021. 276 p.
6. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. Наши за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М.: ИСПИ РАН, 2014. 236 с. ISBN 978-5-7556-0515-1 EDN TSGBUF
7. Baranova V., Podolsky V. Life in Motion: Mobility and Identity among Russian Migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2024;15(3):16–32. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32> EDN BUDIVU
8. Matos P., Ardevol E. The Potentiality to Move Mobility and Future in Digital Nomads' Practices. *Transfers: Interdisciplinary Journal of Mobility Studies*. 2021;11(3):62–79. <https://doi.org/10.3167/TRANS.2021.110304>
9. Пантыкина М.И. Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 83–92. <https://doi.org/10.17223/15617793/475/11> EDN MWHRJO
10. Zhou L., Buhalis D., Fan D.X., et al. Attracting Digital Nomads: Smart Destination Strategies, Innovation and Competitiveness. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2024;31:100850. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2023.100850>
11. Колчин Е.Ю. Трансформация потребительской культуры в условиях цифровизации: социокультурный аспект // Манускрипт. 2025. Том 18. № 1. С. 253–258. <https://doi.org/10.30853/mns20250037> EDN JLPXO
12. Bozzi A. Digital Nomadism from the Perspective of Places and Mobilities: A Literature Review. *European Transport Research Review*. 2024;16:50. <https://doi.org/10.1186/s12544-024-00663-z>
13. Амтали Ж. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. СПб: Питер, 2014. 288 с. ISBN 978-5-496-00750-4
14. Wellner G. Becoming-Mobile: The Philosophy of Technology of Deleuze and Guattari. *Philosophy of Technology*. 2022;35(2):35–41. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00534-2>
15. Sauer M. Marshall McLuhan in a New Light. Old and New Methods of Influencing Emotions in Communities of the Electronic Age. In: Grabbe L., McLuhan A., Held T. (eds.) *Beyond Media Literacy*. Marburg: Büchner; 2023 P. 14–32. <https://doi.org/10.11588/artdok.00009303>
16. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 106–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250006665-4> EDN SOKPVX
17. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Ж.А. Зайончковская, Н.В. Мкртчян, И. Прибыткова [и др.]. Москва: АдамантЪ, 2009. 412 с. ISBN 978-5-86103-082-3 EDN VYKBNF
18. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с. ISBN 978-5-9908695-1-6 EDN LOFEOR
19. Тарасевич К.А., Лойко А.И. Риски «электронного кочевника» в цифровой среде // Философия качества, созидания и исторической памяти: Сборник материалов международных круглых столов «Евразийские ценности и историческая память», «Конвергенция экосистем и философия качества». Минск: БНТУ, 2024. С. 207–210.
20. Глухов А.П., Окушова Г.А. Цифровые мигранты как вынужденные цифровые кочевники: формирование новой идентичности // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции, 24–26 мая 2016, Томск, Россия. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 89–98. <https://doi.org/10.17223/9785946216104/12> EDN ZGQWRN
21. Рязанцев С.В., Рязанцев Н.С. Миграция «цифровых кочевников»: глобальные тренды и позиции стран // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Том 68. № 2. С. 116–126. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126> EDN HRMPVT
22. Насирдинова А. Глокализации цифровых кочевников // Проект Байкал. 2022. Том 19. № 71. С. 100–103. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1947> EDN ABOSFS
23. Дудин М.Н. «Цифровые кочевники» и их значение для современного рынка труда // Экономика и социум: современные модели развития. 2022. Том 12. № 1. С. 29–38. <https://doi.org/10.18334/ecsoc.12.1.114873> EDN MJOLVS

Информация об авторах:

Ольга Дмитриевна Воробьева – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 6059-0372) (ResearcherID: H-9920-2016) (Scopus Author ID: 56297013500)

Александр Алексеевич Субботин – кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 1124-8020) (ResearcherID: AAG-6149-2021) (Scopus Author ID: 57196629252)

Заявленный вклад авторов:

О.Д. Воробьева – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

А.А. Субботин – критический анализ литературы, сбор, обработка и анализ данных, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Сведения о конфликте интересов:
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Автор, ответственный за переписку – Ольга Дмитриевна Воробьева.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 08.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Vorobyova O.D., Subbotin A.A. Russia's Repatriation Potential: An Analysis of Expert Assessments. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2025;5(4):8–24. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1> (In Russ.)
2. Subbotin A.A. Approaches to Assessing Russia's Migration Potential. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2025;5(1):176–192. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11> (In Russ.)
3. Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(5):219–231. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12>
4. Zayonchkovskaya J.A. The Development of Russian Migrations. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 1995;(1):29–44. (In Russ.)
5. Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. London: Routledge, 2021. 276 p.
6. Ryazantsev S.V., Grebenyuk A.A. Nashi za Granitsei. Russkie, Rossiyane, Russkogovoryashchie, Sootechestvenniki: Ras-selenie, Integratsiya i Vozvratnaya Migratsiya v Rossiyu. Moscow: FCTAS RAS; 2014. 236 p. ISBN 978-5-7556-0515-1 (In Russ.)
7. Baranova V., Podolsky V. Life in Motion: Mobility and Identity among Russian Migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2024;15(3):16–32. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32>
8. Matos P., Ardevol E. The Potentiality to Move Mobility and Future in Digital Nomads' Practices. *Transfers: Interdisciplinary Journal of Mobility Studies*. 2021;11(3):62–79. <https://doi.org/10.3167/TRANS.2021.110304>
9. Pantykina M.I. Digital Nomads as Economic Actors: Features of Socioeconomic Practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*. 2022;(475):83–92. <https://doi.org/10.17223/15617793/475/11> (In Russ.)
10. Zhou L., Buhalis D., Fan D.X., et al. Attracting Digital Nomads: Smart Destination Strategies, Innovation and Competitiveness. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2024;31:100850. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2023.100850>
11. Kolchin E.Yu. Transformation of Consumer Culture in the Context of Digitalization: A Socio-Cultural Aspect. *Manuskript=Manuscript*. 2025;18(1):253–258. <https://doi.org/10.30853/mns20250037> (In Russ.)
12. Bozzi A. Digital Nomadism from the Perspective of Places and Mobilities: A Literature Review. *European Transport Research Review*. 2024;16:50. <https://doi.org/10.1186/s12544-024-00663-z>
13. Attali J. A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century. Saint Petersburg: Publishing House Piter; 2014. 288 c. ISBN 978-5-496-00750-4
14. Wellner G. Becoming-Mobile: The Philosophy of Technology of Deleuze and Guattari. *Philosophy and Technology*. 2022;35(2):35–41. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00534-2>
15. Sauer M. Marshall McLuhan in a New Light. Old and New Methods of Influencing Emotions in Communities of the Electronic Age. In: Grabbe L., McLuhan A., Held T. (eds.) *Beyond Media Literacy*. Marburg: Büchner; 2023 P. 14–32. <https://doi.org/10.11588/artdok.00009303>
16. Rybakovsky L.L., Kozhevnikova N.I. International Migration of Population of Russia: Exchange of Population with the Post-USSR Countries. *Sotsiologicheskie Issledovaniia=Sociological Studies*. 2019;(9):106–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250006665-4> (In Russ.)
17. Zaionchkovskaya Zh.A., Mkrtychyan N.V., Pribytkova I., et al. Postsovetskie Transformatsii: Otrazhenie v Migratsiyakh. Moscow: Publishing House Adamant; 2009. 412 p. ISBN 978-5-86103-082-3 (In Russ.)
18. Vorobieva O.D., Rybakovsky L.L., Rybakovsky O.L. Migratsionnaya Politika Rossii: Istoriya i Sovremennost'. Moscow: Publishing House Econ-Inform; 2016. 192 p. ISBN 978-5-9908695-1-6 (In Russ.)
19. Tarasevich K.A., Loiko A.I. Riski «Ehlektronnogo Kochevnika» v Tsifrovoi Srede. In: *Filosofiya Kachestva, Sozidaniya i Istoricheskoi Pamyati. Proceedings of the International Round Tables «Eurasian Values and Historical Memory» and «Convergence of Ecosystems and Philosophy of Quality»*. Minsk: BNTU; 2024. P. 207–210.
20. Glukhov A.P., Okushova G.A. Digital Migrants as Forced Digital Nomads: Formation of a New Identity. In: *Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend: Proceedings of the 3rd International Transdisciplinary Scientific and Practical Web Conference; May 24–26, 2016; Tomsk, Russia*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 2017:89–98. <https://doi.org/10.17223/9785946216104/12> (In Russ.)
21. Ryazantsev S.V., Ryazantsev N.S. Migration of Digital Nomads: Global Trends and Country Positions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*. 2024;68(2):116–126. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126> (In Russ.)

22. Nasirdinova A. Glocalisation of Digital Nomads. *Proekt Baikal=Project Baikal*. 2022;19(71):100–103. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1947> (In Russ.)
23. Dudin M.N. Digital Nomads and Their Significance for the Modern Labour Market. *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya=Economy and Society: Modern Development Models*. 2022;12(1):29–38. <https://doi.org/10.18334/ec-soc.12.1.114873> (In Russ.)

Information about the authors:

Olga D. Vorobieva – Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of Demography of Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 6059-0372) (ResearcherID: H-9920-2016) (Scopus Author ID: 56297013500)

Alexander A. Subbotin – PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Demography of Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 1124-8020) (ResearcherID: AAG-6149-2021) (Scopus Author ID: 57196629252)

Authors' declared contribution:

Olga D. Vorobieva – statement of the problem, development of the article concept, analysis of research results, formulation of research findings.

Alexander A. Subbotin – critical analysis of the literature, collection, processing and analysis of data, analysis of research results, formulation of research findings.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Olga D. Vorobieva.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 08.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.